

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-38-59

УДК 811.161.1/163.4

Т. Балек¹, А.В. Циммерлинг^{2, 3}

¹ Университет в Нови-Саде,
21102 г. Нови Сад, Республика Сербия

² Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина,
117485 г. Москва, Российская Федерация

³ Институт языкознания РАН,
125009 г. Москва, Российская Федерация

Несовершенный вид и квантификация объектов: русский и сербский языки

В статье обсуждается употребление русских и сербских переходных глаголов несовершенного вида с количественными группами, указывающими на точное число индивидов. Вопреки высказывавшейся ранее гипотезе, семантика несовершенного вида не запрещает в русском и сербском языках квантификацию объектов в позиции прямого дополнения ни в предложениях с актуально-длительным значением несовершенного вида, описывающих длительное незавершенное действие, развертывающееся на глазах наблюдателя, ни в других типах неопределенно-длительных употреблений несовершенного вида. Небольшое число диагностических примеров объясняется не семантикой вида, а денотативными ограничениями, а также трудностями с разграничением первичных и интерпретационных глаголов, называющих ситуации, непосредственно описываемые другими предикатами.

Ключевые слова: вид, квантификация, абстрактные объекты, интерпретационные глаголы, славянские языки

Благодарности. Исследование проведено в рамках программы стажировки «InteRussia» при финансовой и организационной поддержке партнеров.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Балек Т., Циммерлинг А.В. Несовершенный вид и квантификация объектов: русский и сербский языки // Рема. Rhema. 2025. № 1. С. 38–59. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-38-59

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-38-59

T. Balek¹, A. Zimmerling^{2, 3}

¹ University of Novi Sad,
Novi Sad, 21102, Republic of Serbia

² Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, 117485, Russian Federation

³ Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 125009, Russian Federation

The imperfective aspect and object quantification: Russian and Serbian

This paper discusses the semantics and pragmatics of Russian and Serbian verbs taking quantified direct objects in the actual-durative (progressive) variation of the imperfective aspect. Contrary to the claim previously raised in Slavic aspectology, the meaning of the imperfective aspect does not constrain the realization of QPs like *dva jabloka* ‘two apples’ in the direct object position. This generalization holds both in the actual-durative construction describing incomplete durative processes from the viewpoint of the synchronized observer and in other durative uses of the imperfective aspect. The diagnostic examples are infrequent due to ontological reasons. Moreover, the progressive interpretation is context-dependent in Russian and Serbian, and the borderline between standard agentive verbs and interpretation verbs, cf. *analyzirovat* ‘analyse’ and *issledovat* ‘study’ is not strict.

Key words: aspect, quantification, abstract objects, interpretation verbs, Slavic languages

Acknowledgments. This study was realized as part of the “InteRussia” programme with financial and organizational support from its partners.

FOR CITATION: Balek T., Zimmerling A. The imperfective aspect and object quantification: Russian and Serbian. *Rhema*. 2025. No. 1. Pp. 38–59. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-38-59

1. Постановка проблемы

Категория вида представляет собой одну из сложнейших черт грамматики славянских языков. Хотя совершенный вид (далее – СВ) и несовершенный вид (далее – НСВ) предположительно имеют общие значения, выбор формы вида зависит от конкретного языка [Петрухина, 2013]. Различие между двумя формами вида в плане квантификации объектов состоит в том, что СВ описывает завершённое событие или его результат, что благоприятствует исчислению индивидов, ср. рус. *Иван съел_{СВ} два яблока*, срб. *Иван је појео_{СВ} две јабуке*. Напротив, форма НСВ описывает незавершённое событие / множество событий или протекающее незавершённое действие и с трудом сочетается с обстоятельствами точного количества. В режиме наблюдения события в русском и польском языках неуместны предложения типа **Иван ел_{НСВ} два яблока* [Wierzbicka, 1967; Гловинская, 1982; Падучева, 1996, с. 182–191], ср., однако, допустимое в сербском *Иван је јео_{НСВ} две јабуке* ‘То же’¹. Природа этого ограничения неясна, она может быть связана как с семантикой вида, так и с особенностями самих денотативных ситуаций (поеданием яблок и слив, чтением статей и т.п.).

В аспектологической литературе [Падучева, 1996] утвердилось мнение, что некоторые частные значения НСВ либо исключают показатели квантификации, либо ограничивают их использование, что предположительно обусловлено семантикой актуально-длительного значения НСВ и семантикой количественной группы. Мы попытаемся уточнить, употребляется ли НСВ в контекстах, где производится квантификация участников² ситуации, а также определить контексты таких употреблений в сербском и русском языках. По нашему мнению, ограничение на употребление актуально-длительного НСВ имеет денотативный, а не семантический характер³.

¹ Для сербского языка нет системных исследований частных видовых значений, особенно тех, которые затрагивают проблемы квантификации. Приведенный сербский пример допустим в разговорной речи.

² Мы, прежде всего, имеем в виду те семантические актанты, которые реализуются в позиции прямого дополнения и маркируются вин. и род. п.

³ Забегая вперед, отметим, что были обнаружены примеры употребления в актуально-длительном значении тех глаголов, которые не должны были бы использоваться в этом видовом значении, если бы оно запрещало сочетание с кванторами (см. далее).

Статья имеет следующую структуру: сначала выделяется инвариантное значение НСВ и перечисляются его частные значения. Потом анализируется обнаруженный корпусный материал русского и сербского языков. По мере необходимости, если выявляется разница в грамматике квантифицированных групп, комментируются случаи их употребления.

2. Грамматическое значение несовершенного вида

Категориальное значение НСВ – это обозначение действия в процессе его протекания, глаголы НСВ не обладают признаком ограниченности действия пределом и признаком целостности действия [Шведова, 1980, с. 581]. С учетом контекста, «Русская грамматика» выделяет 4 типа ситуаций, в которых грамматические значения вида проявляют свои специфичные значения: (1) ситуация единичного (неповторяющегося) конкретного действия, в которой НСВ указывает на неограниченный пределом конкретный процесс (включая и течение действия, и длительность состояния), вследствие чего данное частное значение называется **конкретно-процессным**; (2) **неограниченно-кратное** значение НСВ реализуется в ситуации повторяющегося действия; при реализации (3) ситуации постоянного отношения, а также (4) обобщенного факта русский язык использует только глаголы НСВ, в последнем случае тип употребления НСВ называется **обобщенно-фактическим** [Шведова, 1980, с. 602–603].

Е.В. Падучева и Д.В. Сичинава [Падучева, 1996, с. 10; Сичинава, 2013] делят употребление НСВ на три группы:

1) неопределенно-длительные, главным представителем которых является актуально-длительное значение (далее – АКД-НСВ), обозначающее действие, длящееся в момент наблюдения;

2) неограниченно-кратные (далее – НОК-НСВ), обозначающие узальные, потенциальные и многократные ситуации;

3) общефактические (далее – ОФ-НСВ).

Термин «общефактическое значение» введен Ю.С. Масловым, который понимал ОФ-НСВ как значение НСВ, отвлеченное от акциональной специфики и сводящееся к указанию на то, что событие *p* имело место в прошлом. По Ю.С. Маслову, значение ОФ-НСВ «логически несводимо к процессному и, в большинстве случаев, синхронно невыводимо из него» [Маслов, 2004, с. 576]. Е.В. Падучева различает ОФ-НСВ экзистенциальное, отсылающее к личному опыту *X*-а в неопределенном прошлом, ср. *Иван (раньше) ходил на байдарке*, и ОФ-НСВ конкретное, ср. *К тебе только что приходила какая-то блондинка*, отсылающее к единичному событию в прошлом [Падучева, 1996, с. 27, 46].

Х.Р. Мелиг понимает термин «ОФ-НСВ» более узко и считает ОФ-НСВ конкретное (в его терминологии – «единично-фактическое») автономным значением [Мелиг, 2013, с. 25].

Частные видовые значения являются результатом взаимодействия нескольких факторов: помимо грамматического значения вида, здесь участвуют лексическое значение глагола, значения категорий времени, наклонения и лица, контекст, грамматическая конструкция [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 17]. «В силу разнообразия факторов, влияющих на результирующий облик этих значений, и, соответственно, множественности оснований, по которым могут быть проведены различия, границы между разными частно-видовыми значениями нечетки, а их состав и количество достаточно неопределенны» [Там же]. Ниже мы указываем несколько классификаций частных значений НСВ, не претендуя на то, что они носят исчерпывающий характер, т.к. вопрос о количестве частных значений НСВ и критериях их выделения остается дискуссионным [Храковский, 2015, с. 170].

Конкретно-процессное (= **актуально-длительное** [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 19]) значение НСВ описывает процесс или состояние, длящиеся в момент наблюдения, и реализуется в настоящем, прошедшем и будущем времени, ср. рус. *Не мешай, я работаю*, срб. *Не сметај ми, радим* ‘То же’; рус. *Когда я вошел, мой брат открывал окно*, срб. *Кад сам ушао, мој брат је отварао прозор* ‘То же’; рус. *...лежал на диване и читал книгу*; срб. *...лежао је на каучу и читао књигу* ‘То же’ (момент наблюдения фиксирован действием придаточного предложения) [Там же, с. 19–20]. Иными словами, АКД-НСВ обозначает ситуацию, развивавшуюся (непрерывно или почти непрерывно) на протяжении некоторого периода, включающего точку отсчета [Сичинава, 2013]. Рассматриваемое значение имеет две разновидности – **конативную** и **подчеркнуто-длительную**. В первой из них конкретный процесс представлен как попытка, т.е. стремление, направленное на достижение цели, а в последующей длительность действия или состояния фиксируется и конкретизируется лексически – наречиями *долго, всю ночь, целый месяц* и др. [Шведова, 1980, с. 604–605, 606].

Неограниченно-кратное значение НСВ также имеет несколько разновидностей: **потенциальную** (**потенциально-узуальную** и **потенциально-качественную**) и **наглядно-примерную** [Там же, с. 607]. А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев выделяют и следующие значения: многократное (итеративное), неактуальное (постоянно-непрерывное), континуальное, узуальное [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 24–25].

Обобщенно-фактическим (**общефактическим**) значением НСВ (с **негативной, ограниченно-кратной** и **перфектной** разновидностями,

а также со значением **аннулированного результата**) описывается действие безотносительно к тем или иным особенностям характера его осуществления [Шведова, 1980, с. 609], поэтому можно сказать, что оно предполагает сниженную агентивность [Циммерлинг, 2024]. В рамках ОФ-НСВ А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев выделяют следующие разновидности: ОФ-НСВ **результативное**, ср. рус. *Ты показывал ей это письмо?*, срб. *Jesi li joj pokazivao ovo pismo?* ‘То же’; рус. *Я тебя предупреждал*, срб. *Upozoravao sam te* ‘То же’), ОФ-НСВ **двунаправленное** (то же, что значение аннулированного результата по «Русской грамматике»), ОФ-НСВ **нерезультативное**, ср. рус. *Я умолял ее вернуться*, срб. *Молио sam je da se врати* ‘То же’) и ОФ-НСВ **непредельное**, ср. рус. *В детстве Маша боялась мышей*, ср. срб. *Маша се у детињству бојала мишева* ‘То же’ [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 25]. Сведение ОФ-НСВ к двум подтипам – ОФ-НСВ экзистенциальному и ОФ-НСВ конкретному [Падучева, 1996, с. 43] – возможно, но следует иметь в виду, что не все славянские языки используют их в равной степени. Так, в чешском языке продуктивно только ОФ-НСВ конкретное, а в контекстах с неопределенными и отрицательными наречиями, где носители русского языка используют ОФ-НСВ экзистенциальное, ср. *когда-то заходил в этот ресторан, никогда не заходил в этот ресторан*, носители чешского языка употребляют форму СВ [Петрухина, 2013, с. 62].

Проблему для анализа представляет омонимия АКД-НСВ и ОФ-НСВ конкретного в высказываниях о частных событиях в прошедшем времени. В сербском языке, по предварительным оценкам, продуктивны как ОФ-НСВ экзистенциальное, так и ОФ-НСВ конкретное, поэтому вне контекста высказывания типа (1a) и (1b) омонимичны.

- (1) а. <Иван обедает. Петр за ним наблюдает и затем сообщает об увиденном.> Иван сидел и ел_{АКД-НСВ} салат и два яблока.
 ‘<Иван руча. Петар га посматра, и потом саопштава шта је видео.> Иван је седео и јео_{АКД-НСВ} салату и две јабуке.’
- б. <Иван отравился. Петр выясняет, что Иван ел на обед>. Иван ел_{ОФ-НСВ} салат и два яблока.
 ‘<Иван се отровао. Петар објашњава шта је Иван јео за ручак.> Иван је јео_{ОФ-НСВ} салату и две јабуке.’

Отдельного комментария требует связь АКД-НСВ и ОФ-НСВ с таксономическим предикатным значением действия/процесса. Обычно аспектологи допускают, что чисто видовые противопоставления, например, противопоставление АКД-НСВ vs. ОК-НСВ vs. ОФ-НСВ, перекрывают различия между акциональными классами предикатов, т.е. между

предикатами действия, процесса, состояния, отношения и т.п., ср. [Падучева, 2004, с. 30–41]. Однако значения ОФ-НСВ экзистенциального и ОФ-НСВ конкретного, возможно, не являются чисто видовыми. Так, Х.Р. Мелиг полагает, что они относятся к уровню информационной структуры [Мелиг, 2013]. АКД-НСВ тоже лучше диагностируется для агентивных предикатов. Абстрактные свойства не обладают длительностью, а т.н. внутренние состояния, ср. *Х-у больно, грустно, трудно делать р*, нельзя наблюдать извне [Циммерлинг, 2022]. Можно наблюдать, как *Х взвешивал*^{АКД-НСВ} *помидоры*, но нельзя **видеть, как помидоры весили три килограмма*. Следуя традиции, в этой статье мы допускаем, что значение АКД-НСВ совместимо с длительными неагентивными ситуациями и рассматриваем ниже такие случаи, как *любить двух человек, знать две теоремы, исследовать два астрономических объекта*, где квантифицируются интенциональные объекты, например, предметы любви и знания, или сам предикат не предполагает манипуляции с материальными объектами.

3. Проблема квантификации

Из вышеприведенных данных видно, что некоторым значениям НСВ свойственна временная квантификация, т.е. длительность или повторяемость действия, выражающаяся лексически, напр.: рус. *Лена каждый день ест мороженое*, срб. *Лена једе сладолед сваки дан*; рус. *Лена ест мороженое дважды каждый день / в день*, срб. *Лена једе сладолед два пута на дан / два пута дневно*. Это один из способов выражения количественной аспектуальности, в реализации которой, как и в приведенных примерах, участвуют неограниченно-кратное, многократное, итеративное, хабитуальное или узуальное значение НСВ, хотя некоторые из перечисленных терминов могут у разных авторов использоваться для обозначения одного и того же частного значения [Храковский, 2015, с. 170].

В качестве составных частей сказуемого глаголы⁴ тоже могут квантифицировать: прежде всего, речь идет о формах грамматического числа, а также о временных, видовых и личных формах глаголов [Пипер, 2005, с. 910–911]. Мультипликативными и семейфактивными глаголами, напр., *куцкати*⁵/*куцнути* ‘стукать/стукнуть’, выражается квантификация событий, в то время как для указания на степень реализации

⁴ Вне глагольной грамматики для квантификации предикатного выражения используются количественные наречия, а также наречия меры и степени [Пипер, 2005, с. 911].

⁵ В сербском языке это мультипликативный глагол с диминутивно-аттенуативным значением, эквивалентом которого в русском языке может служить и *постукивать*.

используются наречия *мало* ‘мало’, *много* ‘много’ (*радити много* ‘работать много’ / *радити мало* ‘работать мало’) [Пипер, 2005, с. 911].

Однако нас интересует другой тип квантификации, а именно квантификация индивидов, которые представляют прямые дополнения глагола. Наш интерес мотивирован тем, что, как принято считать, показатели меры и количества в упомянутой синтаксической позиции не сочетаются с глаголами НСВ, если они употреблены в значении АКД-НСВ [Wierzbicka, 1967; Падучева, 1996, с. 182].

Итак, под квантификацией мы далее будем понимать разные способы исчисления определенных объектов, а нашей задачей становится исследование квантификации объектов в АКД-НСВ. Основное внимание уделяется показателям точного количества, но рассматриваются также и показатели приблизительной и неопределенной квантификации (напр., срб. *колико* ‘сколько’, *неколико* ‘несколько’, *мало* ‘мало’, *много* ‘много’ и т.п.).

Несочетаемость некоторых частных значений русских глаголов НСВ с кванторами неоднократно обсуждалась. На несочетаемость глаголов НСВ с родительным партиитивным указывал еще Р. Якобсон (1936/1985) (**ел хлеба*, **брал денег*), а Е.В. Падучева отметила, что партиитив выражает идею неопределенного количества⁶ [Падучева, 1996, с. 183]. Запрет на сочетаемость с АКД-НСВ показывают и количественные группы, содержащие показатели части (напр., *половина*, *три четверти*) [Там же], а также кванторы *весь*, *все* [Гловинская, 1982, с. 137].

Если действием охвачены все объекты одновременно, то запрет на употребление АКД-НСВ снимается, но выдвигается другой – расчленение действия на ряд последовательных актов, что является причиной оценки ситуаций типа *Он ест две груши* как неестественных, поскольку, по мнению Е.В. Падучевой, нельзя откусывать одновременно то от одной, то от другой груши. Рассматриваемая проблематика не вызвала особого интереса в сербской славистике, и исследуемые вопросы, насколько нам известно, не получили научной интерпретации. Прагматика употребления видов, на наш взгляд, эластичнее: напр., в сербском языке контекст *Он једе две крушке*, аналогичный вышеприведенному, т.е. ситуация поедания двух груш одновременно, не аномален, см. также (2):

⁶ Хотя в современном литературном сербском языке родительный партиитивный редко употребляется без квантора, в эквивалентных примерах, где существительное обозначает пищу или напитки, напр., *једе хлеба/колача* ‘ест хлеба/пирогов’, *пије кафе/чаја* ‘пьет кофе/чая’ и т.п., имплицитно подразумевается небольшое количество.

(2) – Ђелави, је л' ти видиш да је ово јабука? Тајминг је за две јабуке⁷ (sd.rs⁸)

‘– Лысый, разве ты не видишь, что это яблоко? Время для двух яблок’.

Идентификация глагола *јести* ‘есть’ в АКД-НСВ возможна, потому что речь идет о разговоре, и вопросительным предложением происходящая ситуация вмещается в синхронный момент, благодаря чему наблюдателями становятся и адресат, и адресант, который сообщает о поедании двух яблок⁹. Если предел (ограничение во времени) задан не количественной группой, а иным способом, употребление НСВ облегчается [Падучева, 1996, с. 186]. В примере *С утра он нас ждет обоих* (НКРЯ¹⁰) ‘Од јутра нас он обоје чека’ предел маркирован наречием *с утра*.

Неопределенность количества тоже является препятствием для употребления НСВ [Падучева, 1996, с. 188]. Тем не менее, неопределенность, условно говоря, градуируется: с *некоторый* употребление НСВ запрещается (**Он покупает несколько журналов*), но в то же время с *какие-то* допускается (*Он покупает какие-то журналы*) [Падучева, 1996, с. 188]. Данная интерпретация обосновывается тем, что первым местоимением выражается общая для всех участников ситуации неопределенность, а вторым – неопределенность только для говорящего.

Нам кажется, что на ситуации такого типа можно смотреть и иначе. Допустим, что говорящему неизвестно, сколько вещей покупает X,

⁷ Из расширенного контекста становится понятно, что X по совету нутрициолога ест два яблока, а вопрос, как поедание двух яблок может осуществляться одновременно, никто не ставит.

⁸ URL: <https://www.sd.rs/vip/vip/celavi-je-l-ti-vidis-da-je-ovo-jabuka-mili-isprozivao-mariju-zbog-kilaze-ona-mu-uzvratila-2022-11-21> (дата обращения: 18.08.2024).

⁹ Решение данной проблемы предлагается ниже. В этом месте приведем пример из интернета, который иллюстрирует трудности идентификации частных значений НСВ в контексте: *Двије јабуке увијек једем [’поједем] у исто вријеме. Прво загризем једну, па другу, па она која ми је слађа њу једем другу а ову која није једем прву јер ако поједем прво слађу ова друга ми се неће јести...* (<https://x.com/MrOklagija/status/1798433210545889453>) ‘Два яблока всегда ем [’съем, *поем] одновременно. Сначала откусываю от одного, затем от другого, а потом то яблоко, которое не сладкое, ем первым. Если бы я съел сначала сладкое яблоко, не хотел бы есть несладкое’.

В этом примере разными средствами представлены и узуальное значение (лексикализовано наречием *увијек* ‘всегда’), и АКД-НСВ (ср. *у исто вријеме* ‘одновременно’). Наблюдатель сам описывает ситуацию, в которой одновременно совершает действие над двумя объектами, несмотря на то, что на самом деле откусывания яблок осуществляются поочередно, см. [Падучева, 1996, с. 184–185]. Тем самым, сам субъект действия считает свое предложение вполне правильным.

¹⁰ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.07.2024).

но это должно быть известно самому покупателю. Поэтому действует важный контекстный фактор, снижающий степень неопределенности. В примере (3) субъект покупает не совсем неопределенное количество билетов, а именно столько, сколько можно купить за трудовые деньги:

- (3) Отработав смену, он спешит в центр на улицу имени революционного демократа Герцена в консерваторию имени национального гения Чайковского и свободно (что чистая правда) **покупает**_{НСВ} **несколько билетов на свои трудовые деньги.** (НКРЯ)

‘Одрадивши смену, он жури у центар на улицу революционарног демократе Херцена у конзерваторију националног генија Чајковског и слободно (то је сушта истина) **купује**_{НСВ} **неколико карата за своју дневницу.**’

Вопреки перечисленным факторам, затрудняющим употребление АКД-НСВ с кванторами, мы попытались найти примеры употребления глаголов разных классов с семантически и синтаксически детерминированными дополнениями в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и Интернет-корпусе сербского языка (SRWAC¹¹). Главными критериями отбора глаголов были частотность употребления и валентностная структура – дополнения в винительном или родительном падежах. В нескольких случаях были рассмотрены и глаголы с предложно-падежным оформлением дополнений.

3.1. Актуально-длительное значение несовершенного вида в контексте квантификации

Для того чтобы проверить, употребляется ли АКД-НСВ с кванторами, и если да, то при каких условиях, помимо наиболее частотных пар глаголов, требующих дополнения в винительном либо родительном падежах, а именно рус. *читать*, срб. *читати*, рус. *смотреть*, срб. *гледати*, рус. *есть*, срб. *јести*, рус. *пить*, срб. *пити* и рус. *слушать*, срб. *слушати*, мы рассмотрели также глаголы созидательной деятельности: рус. *варить*, срб. *кувати*, рус. *жарить*, срб. *пржити*, рус. *печь*, срб. *пећи*, рус. *готовить*, срб. *спремати*, глаголы восприятия и ментальной сферы: рус. *видеть*, срб. *видети*, рус. *чувствовать*, срб. *осећати*, рус. *анализировать*, срб. *анализирати*, рус. *исследовать*, срб. *истраживати*, рус. *любить*, срб. *волети*, рус. *обдумывать*, срб. *размишљати* о, рус. *утверждать*, срб. *тврдити*, и глаголы речевой деятельности: рус.

¹¹ srWaC (Serbian Web). URL: https://www.clarin.si/noske/all.cgi/first_form?corpname=srwac;align= (дата обращения: 15.08.2024).

болтать, срб. *брбљати*, рус. *бормотать*, срб. *мрмљати*, рус. *выговаривать*, срб. *изговарати*, рус. *выкладывать*, срб. *излагати*, рус. *информировать*, срб. *информисати*, рус. *уточнять*, срб. *утврђивати*.

Помимо упомянутых, были проверены глаголы движения: рус. *нести* и *носить*, срб. *носити*, глаголы, связанные с обменом или передачей объектов: рус. *принимать*, срб. *узимати*, рус. *покупать*, срб. *куповати*, рус. *дарить*, срб. *поклањати*, рус. *получать*, срб. *добијати*, рус. *продавать*, срб. *продавати* и рус. *посылать*, срб. *слати*, а также статальный глагол рус. *ждать*, срб. *чекати*, посессивный глагол рус. *держать*, срб. *држати*, и глагол рус. *встречать*, срб. *сусретати се*, *састајати се*. Иногда квантифицируемый объект может быть оформлен и с помощью других средств, например, конструкций с предлогами *с* и *на*, как в случае глаголов речи рус. *спорить с (кем-то)*, срб. *свађати се са*, *препирати се са*, рус. *говорить с (кем-то)*, срб. *разговарати са*, и при глаголе влияния рус. *воздействовать на (кого-то)*, срб. *утицати на*.

3.2. Прагматика глаголов с актуально-длительным значением несовершенного вида

Как уже упоминалось, в русистике примеры типа *Он ест две груши* считаются доводом в пользу того, что АКД-НСВ нельзя использовать с кванторами, поскольку действие разбивается на последовательные акты: сперва *X* ест одну грушу, затем – другую. Тем не менее, можно интерпретировать нижеприведенные денотативные ситуации и иначе: в (4а) и (4b) субъект одновременно употребляет в пищу несколько одинаковых объектов (2 сливы и 3 кубика шоколада), помещая их в один контейнер – рот. Поскольку все объекты в контейнере подвергаются воздействию (жеванию) одновременно, нельзя разбить этот процесс на ряд последовательных актов. То же самое в (5), где субъект ест 3 шарика мороженого, которые представляют собой единое целое¹². В ситуациях, содержащих глагол *есть* с квантифицированными объектами, надо учитывать размер, тип (форму) и число объектов, помещающихся в контейнер. Так как при глаголе *есть* в качестве контейнера служит рот, мы считаем, что в ситуациях, подобных следующим, допустимо использование АКД-НСВ с кванторами:

- (4) а. Вася **ест**_{АКД-НСВ} **две сливы сразу**, запихнул их себе за щеку и жуёт.
 ‘Васја **једе**_{НСВ} **две шљиве одједном**, ставио их за образ и жваће.’

¹² Из-за свойства мороженого таять трудно съесть один шарик, сделать паузу, а потом есть остальные.

- (4) б. Нина **једе**_{АКД-НСВ} **три коцкице чоколаде**, а Нађа је већ све појела, па је тужно посматра.
 ‘Нина **ест**_{АКД-НСВ} **три кубика шоколада**, а Нађа уже све съела, и грустно смотрит на нее.’

- (5) Напољу је хладно, сви су у јакнама, кишобранима се бране од налета кише, а ја **једем**_{АКД-НСВ} **три огромне кугле** [сладоледа]. (SRWAC)
 ‘На улице хладно, све в куртках, зонтиками борјуся с дождем, а а **ем**_{АКД-НСВ} **три огромных шарика мороженого.**’

Предложеное нами толкование не универсально, но его можно применить к разным типам денотативных ситуаций, в зависимости от употребляемого глагола, учитывая тип, размер и число исчисляемых объектов, а также контейнер, который может и не способствовать квантификации объектов.

В случае с глаголом *пить* мы не можем использовать описанный выше аргумент, хотя жидкость помещается в тот же контейнер – рот. Наш материал демонстрирует, что с АКД-НСВ при глаголе *пить* появляются обстоятельства времени, с помощью которых уточняется частотность действия. В тех случаях, когда квантифицируется объект, обычно употребляется настоящее историческое, а не АКД-НСВ. Данное состояние можно объяснить формой объекта: жидкость неисчисляема, не имеет формы и размера, т.к. они определяются контейнером. Поэтому контейнер, изначально содержащий жидкость (бутылка, бочка, бокал и пр.) и, условно говоря, вторичный контейнер, где она находится непосредственно до питья, в большинстве случаев не совпадают, а объект теряет единство (напр., *чашка чая* (из всей совокупности чая в чайнике), *рюмка водки* (ср. *бутылка водки*) и т.д.). Хотя можно выпить все содержание вторичного контейнера, в третичный контейнер (рот) помещается иногда больше, иногда меньше жидкости, по сравнению со вторичным. К тому же важное отличие от объектов при глаголе *есть* состоит в том, что при глаголе *пить* объекты не могут смешиваться внутри контейнера одновременно¹³ и таким способом подвергаться действию.

В нашем списке есть глаголы, обозначающие устойчивые состояния, свойства и отношения, которым обычно не свойственно употребление в АКД-НСВ [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 21]. Однако с учетом того, что речь идет о многозначных глаголах, нам кажется, что глаголы рус. *любить*, срб. *волети* в некоторых значениях могут поддерживать

¹³ Субъект не может прибавлять новое количество жидкости до того момента, как он проглотит то, которое уже в его рту.

реализацию АКД-НСВ. Например, в (6a) *X* заявляет, что любит более чем одного мужчину, а актуальность этого чувства в настоящем моменте обозначена наречием *сейчас*, вопреки тому, что в литературе такие глаголы называются глаголами неактуального состояния, не отвечающими на вопрос ‘Что ты сейчас делаешь?’ [Зализняк, Шмелев, 1997, с. 21]. Данная разница видна в сравнении с (6b), где аналогичным сербским глаголом *волети* тоже охвачены два объекта, но вопреки наречию *истовремено*, указывающему на то, что чувство *X-a* одновременно распределяется на двух людей, семантики АКД-НСВ ни в первой, ни во второй клаузе нет. Между тем, выраженное говорящим в (6b) противопоставление строится на признаке актуальности: можно (по мысли говорящего) в неактуальном смысле любить₁ разных людей, но актуально любить₂ следует лишь того единственного, с которым ты сейчас встречаешься.

(6) а. Потому что я сейчас тоже **люблю**_{НСВ} – **двоих** (НКРЯ).

‘Зато што ја тренутно такође волим_{НСВ} – **двојицу**.’

б. Могуће је **волети**₁ **две особе истовремено**, али треба **волети**₂ само једног партнера (SRWAC).

‘Любить двух человек одновременно можно, но любить следует только одного партнера.’

В примере (7) чувство *X-a* тоже распределено на два объекта одновременно, но в отличие от (6a) нельзя с уверенностью сказать, что реализуется АКД-НСВ. Этому препятствует, с одной стороны, употребление глагола *знать*, который тоже принадлежит к классу неактуальных состояний, а с другой – отсутствие эксплицитной ссылки на синхронный момент.

(7) Я **вас люблю**_{НСВ} **обоих** и знаю, что вы оба любите меня,

но вы не терпите друг друга, и мне это страшно больно. (НКРЯ)

‘**Волим**_{НСВ} **вас обојицу** и знам да и вас двојица волите мене, али се не трпите, и то ме страшно боли.’

3.3. Глаголы несовершенного вида с абстрактными объектами в контексте квантификации

Объекты, подвергающиеся квантификации, не ограничиваются признаками одушевленности и конкретности. Это особенно характерно для глаголов чувственного восприятия. В примере (8a) речь идет об эмоциях, которые субъект одновременно переживает в момент речи. В примере (8b) квантифицируются тактильные ощущения, а длительность ситуации выводится из предшествующего контекста: описывается эксперимент, который проводили определенное время.

(8) а. Не знаю, как действовать и как перестать **чувствовать**_{НСВ} **две эмоции**, которые никогда не должны сливаться в одну (rusainte¹⁴).

‘Не знам шта да учиним и како да престанем да **осећам**_{НСВ} **два осећања**, која никада не би требало да се слију у једно.’

б. Он је, том приликом, требао да пријави колико јасно **разликује**_{НСВ} **та два места додира**, или да ли осећа два или само један додир (SRWAC).

‘В этом случае он должен был сообщить, насколько четко он **различает**_{НСВ} **эти два места касания**, или чувствует ли он два или только одно касание.’

В подходящем контексте глаголы интеллектуальной деятельности и семантически недоопределенные глаголы, интерпретация которых проясняется благодаря вкладу их дополнений, ср. *готовить* (еду, доклады и т.д.), могут употребляться в НСВ с квантифицированными объектами. Такой интерпретации благоприятствуют не только употребленные наречия, но и другие факторы. Мы имеем в виду предшествующие знания коммуникантов. Если знать, что в контексте (9) разговаривают астрономы, не будет странным одновременное исследование трех объектов: с учетом технологического прогресса, ситуация, которая, может быть, была бы аномальной лет 30 назад, ныне вполне возможна. Русский глагол *исследовали* в (9) может рассматриваться, как двувидовой, хотя последняя реплика диалога указывает на то, что речь не идет о результативной интерпретации ‘изучили три объекта и выяснили, что *p*’. Но его сербский эквивалент *проучавали* однозначно указывает на форму НСВ¹⁵.

(9) А: Ну и что, удачным был прошлый месяц?

‘Па, је ли био успешан прошли месец?’

Б: Так себе. В одну из наших рабочих ночей

мы **исследовали**_{НСВ/СВ} **три** объекта.

‘Онако. Током једне истраживачке ноћи **проучавали**_{НСВ} **смо три објекта**.’

А: Ого! Выводы?

‘Охо! Закључци?’

Б: Да пока никакие, продолжаем обсервацию.

‘Ма још увек никакви, настављамо опсервацију.’

¹⁴ URL: <https://ru.sainte-anastasie.org/articles/psicologia/cuando-siento-amor-y-odio-a-la-vez.html> (дата обращения: 03.08.2024).

¹⁵ Ср. морфологическое противопоставление НСВ и СВ при другом русском глаголе: *изучать*_{НСВ} *что-л.* vs. *изучить*_{СВ} *что-л.*

С одной стороны, контекст (9) благоприятствует интерпретации АКД-НСВ: астрономы сидят (стоят) и исследуют *n* астрономических объектов в течение отрезка времени (*в одну из рабочих ночей прошедшего месяца*). С другой стороны, глагол *исследовать*, возможно, является интерпретационным предикатом, характеризующим ситуации, называемые какими-то другими глаголами. Можно видеть, как астрономы глядят в телескоп и делают пометы в блокноте, но нельзя видеть, как они осмысливают открывшуюся перед ними картину в своей голове. Поэтому мы склонны считать, что в (9) реализуется значение ОФ-НСВ конкретной, с ретроспективной, а не синхронной позицией наблюдателя.

В (10a) и (10b) глагол *анализировать* ‘анализирати’ употреблен в НСВ с квантифицированным абстрактным объектом, на что указывают следующие элементы контекста: в (10a) помимо эксплицитно указанной точки отсчета, выраженной придаточным предложением *вот уже второй месяц, как...* помогающей идентифицировать происходящую ситуацию на оси времени, на протяженность действия в момент речи сигнализирует и устойчивое выражение *пытаются найти выход*.

- (10) a. Вот уже второй месяц, как Сеня получает зарплату меньше обычного. Они с Соней **анализируют**_{НСВ} **две возможных причины** такой ситуации, пытаются найти выход из этого положения.

‘Већ је други месец откако Сења добија мању плату него обично. Он и Соња **анализирају**_{НСВ} **два могућа узрока** тога, труде се да нађу излаз из те ситуације.’

- b. Правосудни органи тренутно **анализирају**_{НСВ} **четири случаја пљачки викендица** у близини Новог Сада.

‘Судебные органы на данный момент анализируют_{НСВ} четыре случая ограбления дач вблизи Нови-Сада.’

Глагол *анализировать* тоже не обозначает наблюдаемые действия. Однако здесь интерпретация ОФ-НСВ с ретроспективной позицией наблюдателя невозможна, т.к. описывается открытый отрезок времени, включающий момент речи. Типичный вопрос ‘*что X сейчас делает*’ не исключен в контексте (10), поскольку размышления могут интерпретироваться как действия. Он еще более уместен в контексте (11), где идет речь уже не об интеллектуальной деятельности, а о манипуляции с материальными объектами. Помимо самой формы глагола *готовить* (срб. *припремати, спремати*), в (11a) на актуальность действия указывает и придаточное предложение, особенно наречие *срочно* ‘хитно’. В (11b) в рассматриваемой функции используются наречия *сейчас* ‘сада’ и *параллельно* ‘паралелно’. Из диалога двух друзей в (11c) мы узнаем,

что лицо Б готовится к двум вступительным экзаменам. Очевидно, что это действие началось в какой-то момент в прошлом, но, по всей видимости, оно продолжается и в момент речи.

(11) а. Ира **готовит**_{НСВ} **две копии этих телеграмм** к завтрашнему докладу, но мне срочно нужен принтер.
 ‘Ира **припрема**_{НСВ} **две копије ових телеграма** за сутрашњи извештај, али ми је хитно потребан штампач.’

б. У нас много новых проектов. Сейчас мы **готовим**_{НСВ} **две новые серии**, актеры устали, нелегко работать параллельно.
 ‘Имамо много нових пројеката. Сада **спремамо**_{НСВ} **две нове серије**, глумци су уморни, није им лако да раде паралелно.’

с. А: Хајде с нама сутра на рођендан код Ивана.

‘Давай завтра с нами на день рождения Ивана.’

Б: Радо, али не могу, устајем у 5 ујутро да спремам_{НСВ} пријемни за математику и филозофију, то ми одузима превише времена.

‘Я бы хотел, но не могу, встаю в 5 утра, чтобы готовиться_{НСВ} к вступительным экзаменам по математике и философии, это занимает слишком много времени.’

А: **Спремаш**_{НСВ} **два пријемна**? За матф и филозофију? Ако успеваш, свака част...

‘**Готовишься**_{НСВ} **к двум вступительным экзаменам**? К математике и философии? Если успеваешь, поздравляю.’

Б: Само добра организација.

‘Просто хорошая организация.’

Контекстуально значимым событийным маркером, помимо придаточного предложения с союзом *как* [Арутюнова, 1988, с. 185; Зализняк, 2006, с. 454; Циммерлинг, 2024] и наречий, могут быть и другие маркеры, с помощью которых действие локализуется на оси времени. В (12а) – это частица *вот* ‘ево’, а в (12б) – коммуникативная ситуация, из которой говорящий извлекает дополнительную информацию о нужном количестве хлеба. Обеспечение хлебом не ограничено ведущимся разговором, но благодаря ему рассматривается в актуально длящемся моменте.

(12) а. Вот я **беру**_{НСВ} **две серебряные ложки** и кладу их себе в карман. Ты что, молчать об этом будешь, или всем расскажешь? (НКРЯ)

‘Ево ја **узимам**_{НСВ} **две сребрне кашике** и стављам их у свој џеп. А шта ћеш ти – ћутаћеш или ћеш испричати свима?’

- (12) б. Он спрашивает: откуда же вы **берете**_{НСВ} **столько хлеба**, что на всех хватает? – опять перевела хозяйка. (НКРЯ)
 ‘Он пита: одакле **узимате** **толико**_{НСВ} **хлеба** да никоме не фаלי? – опет је превела домаћица.’

Наличие в высказывании указания на конкретное событие не всегда означает, что его смысл нельзя истолковать двояко. Например, сербский глагол *узимати* (лекове) ‘принимать (лекарства)’ в (13), употребленный в прошедшем времени, можно интерпретировать и в АКД-НСВ, и узуально, несмотря на маркер одновременности – *у тренутку писања депеше* ‘на момент написания телеграммы’. Контекст допускает, что лекарства действительно принимались в тот момент, пока Х писал. С другой стороны, если смотреть шире, речь может идти и об общей ситуации приема четырех лекарств как до того момента, как наступила ситуация написания телеграммы, так и после нее.

- (13) У тренутку писања депеше Милошевић је **узимао**_{НСВ} **четири лека**, а последњу епизоду са високим притиском имао је шест недеља раније. (SRWAC)
 ‘На момент написания телеграммы **Милошевич** **принимал**_{НСВ} **четыре лекарства**. Последний случай повышения давления у него был шесть недель назад.’

Глагол *brać* с кванторами употребляется в определенном типе контекстов, а именно в рецептах и инструкциях, где он, вопреки форме настоящего времени, указывает на план будущего и имеет побудительное значение: рус. **Берем**_{НСВ} **три яйца**, **отделяем**_{НСВ} **белки** (НКРЯ). Такое употребление характерно и для сербского аналога *узимати*: срб. **Узимамо**_{НСВ} **три јаја**, **одвајамо**_{НСВ} **беланца**.

Отмеченная роль коммуникативной ситуации неслучайна. Как выше было сказано, вопросительные предложения помогают идентифицировать события с синхронным наблюдателем, особенно если глагол восприятия типа *видеть* ‘видети’ использован в своем прямом значении, как в (14). В (15) за кадром стоит разговор, в котором адресату показалось, что он видит две книги, лежащие на столе, что является причиной уточнения информации адресантом.

- (14) **Видишь**_{НСВ} **двух парней** в первом ряду? (НКРЯ)
 ‘**Видиш**_{НСВ} **ли два момка** у првом реду?’
 (15) Једна је књига на столу, само вам се чини да **видите**_{НСВ} **две**.
 Упалите светло.
 ‘На столе одна книга, вам только кажется, что **видите**_{НСВ} **две**.
 Включите свет.’

3.4. Актуально-длительное значение несовершенного вида и близкие видовые значения

В примерах (8), (10)–(15) интерпретация ОФ-НСВ в силу синхронной позиции наблюдателя исключена. Но значит ли это, что в них реализуется АКД-НСВ? Здесь нужно договориться о диагностике и числе признаваемых частных значений НСВ. Д.В. Сичинава вслед за А.А. Зализняк и А.Д. Шмелевым [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 24] и И.Б. Шатуновским [Шатуновский, 2009, с. 100–114], наряду с АКД-НСВ причисляет к группе неопределенно-длительных употреблений НСВ значения ‘постоянного отношения’, ср. *граничить с чем-л., равняться чему-л.*, и ‘временного континуума’, возникающего «в контексте глаголов, обозначающих разнородный процесс, который занимает продолжительное время (сверхдолгий интервал), но воспринимается как единый» [Сичинава, 2013], ср. *руководить, питаться*. Первое значение менее релевантно для нашей статьи, т.к. предикаты постоянного отношения лишены процессной семантики. Тем не менее, легко построить контекст, где обозначаемая ситуация будет непосредственно наблюдаемой, ср. (16).

(16) Иван видел, что дача Петра граничит_{НСВ} с **тремя другими участками**.

‘Иван је видео да се Петрова викендица граничи са три друге парцеле.’

Континуальное значение НСВ можно признать в контекстах (10)–(11), т.к. русские глаголы *анализировать, готовить* и их сербские эквиваленты уместно описывать как интерпретационные предикаты. При желании так же по схеме Д.В. Сичинавы можно описать и контексты (14)–(15), где реализуется глагол восприятия *видеть*, но обозначаемый им интервал ограничен периодом визуального контакта и не является сверхдолгим. Однако русские глаголы *брать* и *принимать* и сербский глагол *узимати* в (12) и (13) не имеют континуального значения, не являются интерпретационными и могут обозначать визуально наблюдаемые действия, занимающие отрезок времени. Тем самым, в этих контекстах реализуется именно АКД-НСВ. Поэтому то, что примеры с этими глаголами, подтверждающие возможность квантификации объектов, выпали из поля зрения наших предшественников, вызывает удивление.

4. Обсуждение

Подведем итоги. Тезис о том, что семантика славянского НСВ или его актуально-длительного подвида исключает квантификацию объектов, опровергается материалом русского и сербского языков. Относительная

редкость предложений АКД-НСВ, содержащих указание на точное число объектов незавершенного действия в режиме синхронного наблюдения, объясняется денотативными (онтологическими) факторами. В общем случае, неверно, будто условием приемлемости предложений АКД-НСВ, содержащих количественную группу *два X-а, пять X-в*, ср. *X ест две груши*, является расчленение действия на ряд последовательных актов – ‘Вначале *X* ест грушу № 1. Затем *X* ест грушу № 2...’. В некоторых контекстах синтаксические группы типа *три кугле сладоледа* ‘три шарика мороженого’ в примере (5) при желании можно интерпретировать не как квантифицированные множества, а как указания на единый объект сложной конфигурации. Но и тут мы, скорее, имеем дело с онтологией предмета, чем с семантикой вида. В любом случае, предложения АКД-НСВ типа *За соседним столом Иван ест свои две порции пельменей* обычно одновременно допускают и а) последовательную (*X* вначале выкладывает себе на тарелку одну порцию, затем – вторую), б) конфигурационную (две порции – не два разных предмета, а суммарное количество еды, заказанной *X-м*) и в) одновременную (*X* поочередно ест пельмени из первой и из второй порции) интерпретацию. Из самой формы высказывания эту информацию извлечь нельзя. Точно также для ситуации приема четырех лекарств, см. контекст (13), не нужно *ad hoc* постулировать ни то, что *X* якобы вначале непременно принимает первое лекарство, затем – второе, третье и четвертое, ни то, что говорящий якобы непременно имеет в виду комплект из четырех лекарств или общий период их применения, а не единичную ситуацию их использования. Соответствующая информация может быть получена лишь из дискурса или знаний о мире.

Более сложные проблемы связаны с абстрактными (интенциональными) объектами, т.е. тем, что *X* видит, чувствует, анализирует и т.п., и объектами абстрактных и манипулятивных глаголов, ср. рус. *взять, брать, получать, принимать, готовить*, срб. *узмати, спремати, припремати*. Близкие, но не тождественные АКД-НСВ группы видовых значений – постоянного отношения, ср. (16), континуума неопределенной длительности, ср. (11)–(12), актуального, ср. (14)–(15) и устойчивого отношения, ср. (7), по-видимому, вообще не накладывают ограничений на квантификацию объектов. С точки зрения носителей русского и сербского языков, можно не только одновременно есть два яблока, но и одновременно испытывать две разных эмоции, ср. (8), одновременно любить двух разных людей, ср. (6а, б), одновременно исследовать три разных астрономических объекта, ср. (9), одновременно готовиться к двум разным экзаменам, ср. (11с) и т.д. Такая широкая сочетаемость, вероятно, универсальна, т.к. ни в логической форме переходного

сказуемого, ни в концептах абстрактных и предметных имен нет ничего, что запрещало бы квантификацию объектов. Однако доступность интерпретации АКД-НСВ, т.е. режима описания события, развертывающегося на глазах наблюдателя, является конструкционным свойством, отражающим взаимодействие словаря и грамматики русского [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 23] и сербского языков. Каноническими предикатами АКД-НСВ являются глаголы, непосредственно называющие длительное действие, не являющиеся интерпретационными предикатами и выбирающие объекты, которые существуют независимо от физической и когнитивной деятельности человека, в отличие от таких объектов, как яма и научная статья. Грань между интерпретационными и обычными глаголами порой неочевидна. Поэтому ответ на стандартный вопрос «Что ты сейчас делаешь?» – *Рою две ямы / Пишу три статьи / Готовлюсь к двум экзаменам* и т.п., вопреки тому, что утверждается в аспектологической традиции, сам по себе не проясняет, имеем ли мы дело с контекстом АКД-НСВ или нет.

Библиографический список / References

Арутюнова, 1988 – Арутюнова Н.Д. Оценка, событие, факт. М., 1988. [Arutyunova N.D. Otsenka, sobytie, fakt [Evaluation, event, fact]. Moscow, 1988.]

Гловинская, 1982 – Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. [Glovinskaya M.Ya. Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola [Semantic types of aspectual oppositions of the Russian verb]. Moscow, 1982.]

Зализняк, 2006 – Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. [Zaliznyak A.A. Mnogoznachnost v yazyke i sposoby ee predstavleniya [Polysemy in language and ways of representing it]. Moscow, 2006.]

Зализняк, Шмелев, 1997 – Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии. München, 1997. [Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Leksii po russkoi aspektologii [Lectures on Russian aspectology]. München, 1997.]

Зализняк, Шмелев, 2000 – Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000. [Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Vvedenie v russkuyu aspektologiyu [Introduction to Russian aspectology]. Moscow, 2000.]

Маслов, 2004 – Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. [Maslov Yu.S. Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow, 2000.]

Мелиг, 2013 – Мелиг Х.Р. Общефактическое и единично-фактическое значение несовершенного вида в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 19–47. [Mehlig H.R. General factual and singular factual meaning of the imperfective aspect in the Russian language. Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya. 2013. No. 4. Pp. 19–47. (In Rus.)]

Падучева, 1996 – Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

[Paducheva E.V. Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa [Semantic research. Semantics of time and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow, 1996.]

Падучева, 2004 – Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. Moscow, 2004. [Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, 2004.]

Петрухина, 2013 – Петрухина Е.В. Типы процессной семантики несовершенного вида в русском и чешском языках // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 48–69. [Petrukhina E.V. Types of process semantics of the imperfective aspect in Russian and Czech languages. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya*. 2013. No. 4. Pp. 48–69. (In Rus.)]

Пипер, 2005 – Пипер П. Квантификација // Синтакса савременог српског језика. Проста реченица. М. Ивић (ур.). Београд; Нови Сад, 2005. С. 870–914. [Piper P. Quantification. *Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rechenitsa*. M. Ivich (ed.). Beograd; Novi Sad, 2005. Pp. 870–914. (In Serbian)]

Сичинава, 2013 – Сичинава Д.В. Несовершенный вид. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (rusgram.ru). На правах рукописи. Москва, 2013. Дата последнего изменения: 31.03.2024. [Sichinava D.V. Nesovershennyi vid. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki (rusgram.ru) [Imperfective aspect. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (rusgram.ru)]. As a manuscript. Moscow, 2013. Last modified: 31.03.2024.]

Храковский, 2015 – Храковский В.С. Несовершенный вид: опыт интерпретации частных значений // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. Вып. 3. С. 169–178. [Khrakovskii V.S. Imperfective aspect: A tentative interpretation of specific meanings. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2015. No. 3. Pp. 169–178. (In Rus.)]

Циммерлинг, 2022 – Циммерлинг А.В. Предикаты состояния и семантические типы предикатов // Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съоставително изследване за български и руски. С. Коева, Е.Ю. Иванова, Й. Тишева, А. Циммерлинг (ред.). София, 2022. С. 31–52. DOI: 10.7546/STONTBgRu2022.02 [Zimmerling A.V. State predicates and semantic predicate types. *Ontology of stative situations – linguistic modeling. A contrastive study of Bulgarian and Russian*. S. Koeva, E.Yu. Ivanova, Y. Tisheva, A. Zimmerling (eds.). Sofia, 2022. Pp. 31–52. (In Rus.). DOI: 10.7546/STONTBgRu2022.02/]

Циммерлинг, 2024 – Циммерлинг А.В. События. Факты. Фактивность // Логический анализ языка. Язык и мир. К 100-летию со дня рождения Нины Давидовны Арутюновой. Л.В. Ковшова (ред.). М., 2024. С. 95–116. DOI: 10.5281/zenodo.15364943 [Zimmerling A.V. Events. Facts. Factactivity. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i mir. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Niny Davidovny Arutyunovoi*. M.L. Kovshova (ed.). Moscow, 2024. S. 95–116. (In Rus.). DOI: 10.5281/zenodo.15364943]

Шатуновский, 2009 – Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М., 2009. [Shatunovskiy I.B. Problemy russkogo vida [Problems of the Russian species]. Moscow, 2009.]

Шведова, 1980 – Русская грамматика. Шведова Н.Ю. (гл. ред.). Т. 1. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Vol. 1. Moscow, 1980.]

Якобсон, 1936/1985 – Якобсон Р. К общему учению о падеже // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 193–230. [Yakobson R. Towards a general doctrine of case. *Yakobson R. Izbrannye raboty*. Moscow, 1985. Pp. 193–230. (In Rus.)]

Wierzbicka, 1967 – Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish. *To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his 70 birthday, 11. October 1966*. The Hague – Paris, 1967. Pp. 2231–2249.

Статья поступила в редакцию 05.10.2024

The article was received on 05.10.2024

Сведения об авторах / About the authors

Балек Тиана – доктор лингвистики; доцент кафедры славяноведения философского факультета, Университет в Нови-Саде, Республика Сербия

Tijana Balek – Dr. (Linguistics); Associate Professor at the Department of Slavic Studies of the Faculty of Philosophy, University of Novi Sad, Republic of Serbia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1391-1570>

E-mail: tijana.balek@ff.uns.ac.rs

Циммерлинг Антон Владимирович – доктор филологических наук; заведующий лабораторией типологической и теоретической лингвистики, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики, Институт языкознания РАН, г. Москва

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; head of the Laboratory of Typological and Theoretical Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute; leading researcher at the Department of Typology and Areal Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5996-2648>

E-mail: fagraey64@hotmail.com